

Уважаемые читатели!

Могилевский облисполком и редакция журнала «Беларуская думка» предлагают вашему вниманию проект «МАГІЛЁЎШЧЫНА: час, падзеі, асобы». Две судьбоносные даты отечественной истории – 100-летие Февральской и Октябрьской революций 1917 года: они будут отмечаться в следующем году – побудили к его созданию.

По глубине, масштабу и значимости происходивших здесь исторических событий Могилевщина занимает особое место. С глубокой древности на этих землях бурлила жизнь. В IX–XII веках на берегах Днепра, бывшего торговым путем «из варяг в греки», стали возникать многочисленные поселения и города, среди них и Могилев, первое упо-

минание о котором встречается в 1267 году. Спустя века история распорядилась, что в последние два года перед революциями город, по сути, превратился в военную столицу Российской империи. Здесь решались главные вопросы – войны и мира. В 1915 году в Могилеве действовала Ставка Верховного главнокомандующего, которую возглавлял царь Николай II. Февральская революция 1917 года имела две узловые точки – Могилев и Петроград. Именно там и тогда по многим параметрам был определен ход мировой истории XX века.

Жители Могилевщины помнят об этом. Они чтут память тех, кто своими делами прославил их землю. Например, Спиридона Соболя, издателя первого букваря для детей: белорусский просветитель выпустил его в Могилеве еще в 1636 году... В 1901 году уроженец Могилевщины Николай Судзиловский стал президентом Гавайских островов... Всемирно известно имя исследователя Арктики Отто Шмидта: родился «энциклопедист XX века», один из первых Героев Советского Союза в 1891 году в Могилеве... В веках останется подвиг бойцов и командиров Красной армии, сражавшихся на Буйничском поле летом 1941 года...

Публикации проекта, посвященные уникальным личностям, которые родились или жили на Могилевской земле, прославили ее на Родине или за пределами, а также знаковым событиям, происходившим здесь, помогут связать воедино прошлое, настоящее и будущее. Запланированы рассказы и о современной жизни области, достижениях трудовых коллективов и целых районов и, конечно, о тех, кто творит нашу новейшую историю, – о людях Могилевщины.

А первым героем публикации на страницах «Беларускай думкі» стал легендарный председатель колхоза «Рассвет» Кировского района Кирилл Прокофьевич Орловский, человек, в судьбе которого переплелись героическое прошлое и трудовое настоящее нашей страны.

Надеюсь, что проект «МАГІЛЁЎШЧЫНА: час, падзеі, асобы» будет интересным и полезным для читателей журнала.

В. Доманевский

Председатель Могилевского облисполкома
Владимир ДОМАНЕВСКИЙ

Так начиналась легенда...

28 декабря, в канун нового 1964 года, в Москве состоялась премьера фильма «Председатель». Зрители, затаив дыхание, смотрели картину о том, как вернувшийся домой фронтовик становится руководителем, возрождает колхоз, борется с советскими и партийными бюрократами, обещает колхозникам новую жизнь и исполняет обещание. Для того времени фильм получился невероятно смелым. От фраз, идущих с экрана, у зрителей захватывало дух. Но почти никто тогда не знал, что прототипом главного героя Егора Трубникова, которого гениально сыграл Михаил Ульянов, стал легендарный советский разведчик и диверсант, человек, прошедший четыре войны, Кирилл Прокофьевич ОРЛОВСКИЙ. Подробности его биографии долгие годы находились под грифом «совершенно секретно»...

Путь фильма «Председатель» на большой экран был трудным – его несколько раз пытались запретить, по всей Москве срывали афиши. Автору повести, а потом и сценаристу фильма писателю Юрию Нагибину это стоило инфаркта. Правда жизни, бьющая с экрана, испугала власть предрешающих. Но все обошлось. «Председатель» вышел на экраны вовремя: двумя месяцами ранее Никита Хрущев был освобожден от всех должностей, а Леонид Брежнев только начал входить во власть. Так что критика советского и партийного бюрократизма в фильме вписывалась в борьбу с волюнтаризмом отставного генерального секретаря. В 1965 году актер Михаил Ульянов за исполнение роли Трубникова получил Ленинскую премию, а сам фильм стал классикой советского кинематографа, заслужил любовь и признание зрителей...

Военная профессия

Биография Кирилла Прокофьевича Орловского уникальна. Он прошел путь с социального низа до олимпа. Прошел, чтобы вернуться к тем, о ком помнил всегда, – к землякам, родным и близким. Людям, с которыми он вырос и с кем воевал плечом к плечу. Орловский вернулся, чтобы после войны помочь наладить нормальную жизнь в родных Мышковичах.

В 1944 году, когда ему было уже 49, Орловский круто меняет свою жизнь. Признанный и оцененный властью, удостоенный звания Героя Советского Союза, получивший по

указанию самого Сталина шикарную даже по сегодняшним меркам квартиру в центре Москвы, Орловский пишет письмо первому человеку в стране. Он просит направить его на работу в Беларусь, на малую родину, и оказать содействие и помощь в развитии местного колхоза. Орловский конкретно излагает, когда, где и что будет построено в его родных Мышковичах, каких надоев и урожаев достигнут в колхозе. К слову, цифры в письме Орловского соответствуют результатам деятельности сегодняшних передовых белорусских хозяйств. А в те времена они выглядели фантастикой. И, самое главное, писал Орловский, все это будет выполнено в обещанные им сроки. В разгар войны Иосиф Сталин находит время для изучения письма Кирилла Орловского и отдает распоряжение: выделить все, что просит герой войны.

По масштабу личности, сложности и полноте сделанного и пережитого Кирилл Орловский – величина абсолютная. Возможно ли появление такой сегодня? Думаю, что нет. Масштаб времени не тот. И не потому, что мы стали хуже. Первая половина XX века, период молодости и становления Кирилла Орловского – это время исторического максимума во всех смыслах. Максимума отечественной и мировой истории, когда добро и зло идут рядом и находятся на пиковой точке. Когда степень ожесточения столь велика, что главным подвигом становится умение остаться порядочным человеком. Орловскому это удалось. Он не испачкался и остался чистым как перед людьми, так и перед собой. Его ангелами-хранителями были совесть и

► Кирилл Прокофьевич Орловский

искренность, спасавшие и на поле боя, и в непростых баталиях мирной жизни.

В юности в жизненных планах Кирилла Орловского служба в армии в качестве профессиональной карьеры не значилась. Но, как часто бывает, человек предполагает, а судьба располагает. Кирилла призвали в армию в самый разгар Первой мировой войны весной 1915 года. Около двух лет он прослужил в 251-м запасном полку. Казармы части располагались в окрестностях Москвы, и ему не раз вместе с другими солдатами приходилось быть свидетелем стычек между полицией и рабочими. Армейские будни стали первой политической школой в его жизни. И на фронте ему повезло – соседним взводом командовал петроградский рабочий-большевик Александр Анисимов. Интерес к большевикам у Орловского имел практический характер. Отец в письмах обращался к нему, как самому грамотному в семье, с просьбой дать совет: кого слушать? Эсеры, которые агитируют покупать землю у фон Гойера, или дождаться прихода к власти большевиков с их Лениным, о которых он слышал на базаре в Бобруйске. Они обещают раздать землю бесплатно. Ответ Кирилла отцу был прост – не торопиться.

После демобилизации в декабре 1917 года Кирилл Орловский отправился на Могилевщину в родные Мышковичи. Но не с

пустыми руками: взял пару гранат, наган, винтовку и свыше трехсот патронов к ней. Как оказалось, не зря. После провала переговоров в Бресте 16 февраля 1918 года немцы двинули свои войска. Из 35 уездов Беларуси им удалось захватить 23. Орловский ищет связь с большевиками, переходит линию фронта и направляется в Оршу. В мае 1918 года его принимают на службу в уездную Оршанскую Чрезвычайную комиссию. А через месяц молодого чекиста Северо-Западный областной комитет направил в Бобруйск на подпольную работу в тылу противника. Так началась легенда.

В апреле 1919 года Кирилла Орловского посылают на курсы командного состава Красной армии. Военную науку он изучает в Минске и Могилеве, а затем становится курсантом Первых Московских пулеметных курсов. По окончании их попросился направить его на оккупированные поляками белорусские территории.

Подпольная работа не раз преподносила сюрпризы, порой самые курьезные. Перед подготовкой восстания в Литве ему пришлось пройти платные курсы обучения на парикмахера. Ремеслу учился в Минске на Немиге у Абрама Шлемовича. Это было наилучшим прикрытием для нелегала. Но поражение армии Тухачевского, более известное как «чудо на Висле», отменило план восстания. Парикмахерское мастерство пригодилось позднее на фронтах в Испании и во время Великой Отечественной войны.

Подписанный 12 октября 1920 года Рижский договор между Польшей и Советской Россией о перемирии не привел к полному прекращению боевых действий в Беларуси. Самой опасной военной группировкой в то время была банда Булак-Балаховича. За ней стоял «начальник Польского государства», как официально звучал его титул, Юзеф Пилсудский.

Станислав Никодимович Булак-Балахович – это белорусский Нестор Махно. Родился в семье шляхтича в фольварке Мейшты возле местечка Видзы на Витебщине. С первых дней Первой мировой войны он добровольцем ушел на фронт и командовал партизанским (армейским) отрядом, совершая разведывательно-диверсионные операции в тылу кайзеровских войск. После Октябрьской революции ротмистр Булак-Балахович вступил в Красную армию, где дослужился до командира полка. За маро-

дерство чекисты решили его арестовать, но с помощью друзей и брата Иосифа в октябре 1918 года он перешел на сторону Юденича вместе со всеми эскадронами полка. После боев под Гдовом получил звание полковника, а через месяц после взятия Пскова стал генерал-майором.

У Юденича он продолжил заниматься мародерством и грабежами, и это вызывало у новых его хозяев такую же непримиримость, как и у советских чекистов. И в этот раз Булак-Балаховичу удалось избежать ареста. В ноябре 1918 года армия Юденича была разбита и оказалась в болотах Эстонии. Пролышав, что у Юденича есть большой запас золота, с которым тот собирается перебраться за границу, Булак-Балахович похитил его. Слезные просьбы Юденича вернуть украденное не помогли. Чем бы все закончилось – неизвестно, если бы в дело не вмешался сам Черчилль. С ним Булак-Балахович спорить не посмел и отпустил изрядно перепуганно Юденича с его золотом.

Новым хозяином грабителя и мародера стал Пилсудский. На первых порах войско Булак-Балаховича достигло большого успеха: он захватил Петриков, Калинковичи и 12 ноября 1918 года объявил Мозырь своей столицей. Но военное счастье длилось недолго. Через месяц его войско было разбито и бросилось в бегство, самому Станиславу Никодимовичу удалось скрыться. Разгром Булак-Балаховича стал первой успешной операцией партизан Кирилла Орловского. То, что было, затем вошло в классику оперативной работы в тылу врага.

Фальшивый Муха-Михальский

Впервые о Мухе-Михальском Кирилл Орловский услышал, когда перебрался на Полесье. Бывший командир кавалерийского взвода польской армии открыто критиковал Пилсудского, за что был арестован. Но по пути в барановичскую тюрьму Мухе-Михальскому удалось бежать. Пристанище он нашел в Пашковцах, где недавно стоял его взвод.

Юзеф Муха-Михальский – уроженец Варшавского воеводства. В начале 1920-х годов в чине хорунжего он служил командиром взвода в уланском полку, который располагался в Ляховичах. При интеллигентном внешнем виде характер Юзеф имел независимый и резкий. Дело дошло

до драки со старшим офицером, но из-под трибунала Муха бежал. Территорию Полесского воеводства экс-хорунжий знал неплохо, и ему не составило труда сколотить шайку из «зеленых» бойцов – прежних своих приятелей-собутельников. По мере сил он мстил властям, грабил помещиков, не брезговал и священнослужителями, и мелкими торговцами-евреями. Имел романтические приключения со скучающими паненками. Коварных изменниц мог наказать собственноручной лихой рубкой сундуков с приданным и пусканием пуха из перин... Польские журналисты слепили из Мухи-Михальского захватывающий образ, и варшавский обыватель с нетерпением ожидал воскресных номеров «Момент», чтобы проглотить очередную порцию рассказов о его подвигах. Это был западнобелорусский Григорий Котовский. Орловский поступил с Мухой просто гениально – он подчинил себе этого атамана и начал действовать от его имени. Дерзкие письма в стиле Дубровского, Григория Котовского или Мишки-Япончика, которые получали полицейские начальники и земельные магнаты «Крэсов восточных», писались рукой Мухи-Михальского (его почерк властям был известен), но поддиктовку Орловского. Реального Муху партизанский вожак приказал именовать в своем уже теперь отряде по-новому – Шабловский, а сам стал Мухой-Михальским. Помимо военного плана, польские власти с треском проигрывали Мухе-Михальскому и информационную войну. Местное население ни под каким предлогом не выдавало партизан, и обещанные польскими властями пятнадцать миллионов марок за голову Мухи-Михальского так и не нашли своего хозяина.

Одним из заданий резидента советской разведки Кирилла Орловского, действовавшего в Несвижском повете, было устранение Альбрехта Радзивилла. Предпоследний хозяин Несвижского замка после объявления независимости Белорусской Народной Республики вместе с Романом Скирмунтом ездил в ноябре 1918 года в Берлин и Швейцарию для обеспечения дипломатической поддержки БНР. В 1919 году князь Альбрехт Радзивилл вступил в Войско Польское, а его двоюродный брат Станислав стал адъютантом маршала Пилсудского и в 1920 году под Киевом был постигнут красноармейской пулей. В 1926 году князь принимал маршала в Несвиже. Они присутствовали на службе в

костеле, после чего Пилсудский возложил на гроб Станислава орден Виртути Милитари – высшую военную награду Польши...

Обширные владения князя Радзивилла давали все меньше и меньше дохода. Требовался самолический объезд и проверка состояния владений. В одну из поездок Альбрехт отправился в местечко Денисковичи без охраны. Предупрежденный об этом Орловский устроил засаду.

В километрах 10–12 от Денисковичей сходились владения трех крупнейших магнатов: Радзивилла, Потоцкого и Агаркова. Границы обозначались просеками. У начала просек стояли три столба с надписями: «Владения князя Радзивилла», «Владения князя Потоцкого», «Владения графа Агаркова». Здесь Орловский собирался повесить Радзивилла – на принадлежащем ему дереве. А на просеках Агаркова и Потоцкого оставить на деревьях веревки с петлями и надписями «Для Агаркова», «Для Потоцкого». От расправы князя спас кучер: завидев партизан, он сильно ударил по лошадям и погнал их во весь дух. И хотя задание группа Орловского не выполнила, но считали, что здоровье князя было подорвано именно этим инцидентом.

Через много лет признанный во всем СССР руководитель колхоза-миллионера Кирилл Орловский будет отдыхать в Несвиже в санатории, расположившемся в бывшем замке Радзивиллов. Кто-то из отдыхающих получил разрешение от ксендза на посещение местного костела и подземелья под ним, где и поныне находится фамильная усыпальница Радзивиллов. В ответ на заинтересованный вопрос Орловского: покоятся ли здесь останки Альбрехта, ему расскажут любопытную историю. Однажды весной князь поехал на прогулку, и на него напали медведи. Альбрехт так испугался, что с ним приключился паралич ног. Кирилл Прокофьевич только усмехнулся: он никак не ассоциировал себя с медведем...

В 1925 году партизанские отряды по решению советского руководства были расформированы. Кирилл Орловский вернулся в СССР. Ему было тридцать лет, из которых почти десять он воевал. Орловского направили учиться в Коммунистический университет национальных меньшинств. Учеба полностью захватила его. Войны Рима с Карфагеном, походы Ганнибала и Суворова, партизанские операции Давыдова, Фигне-

ра и Сеславина... Изучая историю войны с Наполеоном в 1812 году, Орловский сделал вывод о том, что только слабое взаимодействие и недостатки в работе разведки не позволили в то время взять в плен Наполеона во время его перехода через Березину. Профессор согласился со студентом и привел в пример опыт партизанской борьбы в только что закончившейся Гражданской войне. Пример был такой: захват отрядом Мухи-Михальского воеводы Довнаровича. В те годы о партизанском атамане Мухе-Михальском в СССР ходили легенды. Профессор не знал и даже представить себе не мог, что перед ним как раз и стоял тот самый «Муха-Михальский». Орловский перелаялся со своими бывшими однополчанами Романчуком и Макаревичем, которые также были студентами, и промолчал.

За год до окончания университета Кирилл Орловский женился на однокурснице Наташе Будзюк. С Брестчины волна беженцев забросила ее в 1915 году в Симбирскую губернию. Там работала нянькой у купца, санитаркой в военном госпитале. Гражданская война застала ее в Красноярске. Когда город захватили войска Колчака, вместе с братом прятала оружие для подпольщиков. После Гражданской войны вернулась в Беларусь, работала женорганизатором на фанерном заводе в Борисове. Ее брата в 1938 году арестовали и выбивали показания на Кирилла Орловского. Маршал Буденный лично поручился тогда за Кирилла. Но об этом Орловский узнал только через десять лет, когда жил уже в родных Мышковичах.

В мае 1930 года Наталья и Кирилл Орловские приехали в Минск. Орловскому и его соратникам, а точнее ученикам, Станиславу Ваупшасову, Василию Коржу, Александру Рабцевичу и Артуру Строгису была поручена организация и боевая подготовка партизанских кадров. Сегодня в оценках трагических событий начального периода войны лета 1941 года часто стрелы сходятся на личности Сталина. Но настоящий «герой» военных неудач начала войны далеко не Сталин, а... маршал Михаил Тухачевский. Именно он настоял на изменении военной доктрины СССР, предложив вести войны на чужой территории. До Тухачевского в основе доктрины лежала разработанная генералом Александром Свечиным концепция «стратегической обороны». Она учитывала опыт всех войн, которые вела

Россия на протяжении столетий, и прежде всего войны с Наполеоном 1812 года. Агрессор должен был просто «утонуть» в необъятных просторах СССР и получить удар с тыла от хорошо организованных партизанских соединений. И в плане организационном, и в плане кадровом эта работа планомерно велась сразу после окончания Гражданской войны. Созданные тогда партизанские базы на Полесье скажут свое веское слово уже через неделю после начала Великой Отечественной войны. А Василий Корж со Станиславом Ваупшасовым будут одними из первых организаторов сопротивления агрессорам. Увы, политические и военные амбиции Тухачевского стоили жизни многим, в том числе и ему самому.

Испания... Китай... Беларусь...

Испанская эпопея Кирилла Орловского явилась новым этапом в его военной биографии. Он стал советником в интернациональных разведывательно-диверсионных отрядах. Позже был назначен советником в 14-й корпус Испанской республиканской армии, объединивший все партизанские группы, отряды и бригады. В Испании Орловский был известен под именем Стрик.

Ночью 3 июня 1937 года на железной дороге Севилья – Бадахос вблизи горы Капитан республиканцы пустили под откос первый франкистский воинский эшелон. Минировал дорогу сам Орловский вместе с переводчиком Хосе. Когда бойцы увидели результат работы – разбитые вагоны, изуродованные орудия, они смотрели на командира как на волшебника. Несколько минут работы и такой урон! Спустя некоторое время на железной дороге Севилья – Касадыя, недалеко от станции Педросо, от партизанских мин полетел под откос другой вражеский эшелон. Затем наступила очередь железнодорожного моста.

Орловский жил в штабном доме отряда, находившемся в предместье Мадрида Лас-Вегас. Бывал он и в отеле «Гэйлорд», где жили советские военные специалисты. Здесь Стрик-Орловский свел знакомство с Мигелем Мартисом – корреспондентом «Правды» Михаилом Кольцовым, который был одновременно политическим советником республиканской армии. В этой же гостинице Стрику довелось познакомиться с Эрнестом Хемингуэем. Считается, что в

▲ К.П. Орловский
со школьниками

своем романе «По ком звонит колокол» писатель вывел Орловского в образе Роберта Джордана.

Переводчицей в Испании у Кирилла Орловского была внучка известного русского писателя Григория Данилевского, автора «Сожженной Москвы» и «Княжны Таракановой», Елена Иосифовна Родригес-Данилевская. Нередко переводчиком у него был и Лев Савинков, единственный сын эсера Бориса Савинкова. Двадцатилетний Лев и не догадывался, что Стрик, которому он помогал, в 1920-е годы не раз пресекал коварные террористические планы его отца, воевавшего бок о бок с Булак-Балаховичем. Работать переводчиком со Стрик-Орловским было крайне тяжело: юмор, постоянные вкрапления русских и белорусских пословиц и поговорок требовали особого умения для передачи всех языковых тонкостей. При этом следовало емко и точно объяснить премудрости диверсионной науки.

В ноябре 1938 года Орловский вернулся на родину. За мужество и героизм, проявленные в рядах испанских герильерос, он был удостоен ордена Ленина. Награду ему вручали в госпитале, куда герой попал из-за контузии, полученной перед самым возвращением на родину. Болезнь не поддавалась лечению, не помогли и южные санатории.

▲ Почтовая марка СССР, посвященная Кириллу Прокофьевичу Орловскому

Вердикт врачей был жестким: к военной службе не пригоден.

Начало Великой Отечественной войны пришлось на время командировки Орловского в Китай, куда он был направлен для организации базы советской агентуры, так как ожидалась большая война с Японией. Но Орловский рвался домой. В Москву он вернулся ровно через год после начала войны, 22 июня 1942 года, и прямо с вокзала направился в НКВД. Его просьба отправить в тыл врага была удовлетворена. Орловский указал, и куда именно его направить – в район Барановичей, Пинска, Ляховичей, Клецка.

Он внимательно подбирал бойцов в свою будущую группу. Одним из первых с просьбой зачислить к нему обратился высокий черноволосый артиллерист-красноармеец Иван Грицевец. Эта фамилия много говорила Орловскому. В 1937 году советский летчик Сергей Грицевец командовал эскадрилей в Испанской республиканской армии. Только за один день он уничтожил семь вражеских самолетов. А всего в небе Испании сбил 30 самолетов врага. На родине Грицевцу присвоили звание Героя Советского Союза. Позже Орловский узнал и о другом подвиге, который совершил Грицевец. На Дальнем Востоке в 1939 году во время одного из боев японцы сбили самолет командира. Раненый, он выбросился с парашютом и приземлился на территории противника. К летчику уже бежали торжествующие японцы. Но вдруг рядом с ним приземлился другой советский истребитель. Из него выскочил пилот и на глазах у изумленных японцев подхватил парашютиста, посадил в кабину и стремительно поднял машину в воздух. За спасение командира Сергей Грицевец был удостоен второй звезды Героя и стал вместе с Григорием Кравченко первым дважды Героем Советского Союза.

22 октября 1942 года группа «Соколы» в составе К. Орловского, Г. Ивашкевича, испанца Хусто Лопеса, А. Блинова, Н. Калмыкова, А. Василевича, И. Туника, И. Грицевца и И. Якубовского вылетела в тыл врага. А на следующий день Центр получил телеграмму: «Благополучно приземлились в заданном районе – в 20 километрах восточнее Выгоновского озера. Приступаем к работе. Роман».

Разведка в отряде «Соколы» была на высоком уровне. 16 февраля 1943 года в зем-

лянку к Орловскому прибежал запыхавшийся и взволнованный связной Александр Федорович. Доклад его был прост. В этот день на охоту в барановичские леса должны были приехать генерал СС Фенц, гебитскомиссар Барановичской области Штюр и сам гауляйтер Вильгельм Кубе. Решение пришло само собой – атаковать и взять в плен живыми высокопоставленных гитлеровских ставленников. Однако большинство бойцов отряда были на заданиях и силы явно не равны. Но Орловский решил провести операцию. Сборы были недолгими, вскоре горстка бойцов направилась к Раскопу. Погода была тихая, безветренная, выпал обильный снег. Часов в десять утра бойцы заняли вырытые ими окопы. Первыми на дороге появились разведчики-предатели. Вскоре показались несколько всадников, а за ними – больше десятка саней. Сидевшие в них эсэсовцы держали оружие наготове. Орловский принял решение пропустить охотников и атаковать их на обратном пути.

Многочасовое ожидание немцев затянулось. Но военное счастье было на стороне Орловского. Подвыпившие и веселые после удачной охоты немцы не заметили устроенной им ловушки. На одиннадцать эсэсовских саней обрушился шквальный огонь. Были уничтожены «главный комиссар» Барановичей группенфюрер СС Фридрих Фенц, гебитскомиссар Барановичской области группенфюрер Фридрих Штюр, восемь эсэсовских офицеров, два коменданта полиции и почти все охранники. Спаслись только несколько эсэсовцев, проводник Белюстин и лесничий Бобко. Но спаслись ненадолго. Вскоре сами немцы расстреляли уцелевших эсэсовцев за трусость, а Белюстина и Бобко настигла пуля партизан. Кубе среди охотников не было. В Синявку гауляйтер передумал ехать: звериная интуиция не подвела. Мина Елены Мазаник взорвется под ним полугодом позже.

Ни один из 12 партизан, участвовавших в бою, не погиб. Только Орловский оказался тяжело ранен. Он пострадал в момент метания заряда. Пуля эсэсовца попала в детонатор, и заряд взорвался в руке у Кирилла Прокофьевича. Оперировал его хирург Виктор Лекомцев в селе Светица, куда привезли раненого спустя неделю после боя (своего врача в отряде Орловского не было). В землянке партизанский врач осмотрел раны. Поврежденная рука, которую перевязали,

неподвижна. Повязка, пропитанная кровью, обледенела и стала твердой. Ладонь левой руки с перебитыми пальцами посинела и тоже кровоточила. Врач тревожно взглянул на правую руку раненого: повыше локтя расплывались лиловые пятна. Кроме этого, имелось ранение головы с повреждением глаз, разбито предплечье и локтевой сустав, истощение, большая потеря крови, началась гангрена – ведь неделя прошла в поисках хирурга. Спасать человека можно было только ампутацией руки, но настоящих инструментов, необходимых для этого, у Лекомцева не было. У него сохранился один пинцет, один кохер (кровоостанавливающий зажим), вместо скальпеля – бритва.

Орловский лежал на сосновом столе. Его заострившееся лицо казалось безжизненным. Боль, наверное, была слишком сильной, и потому уже не чувствовалась. Его близкий друг испанец Хусто стоял над ним еще более вытянувшийся, более угрюмый, чем когда-либо. Партизаны с тревогой следили за Лекомцевым – за выражением лица врача, его движениями.

В партизанском отряде Виктор Алексеевич был и врачом, и минером, и пулеметчиком. Ему не раз приходилось делать операции в самых неподходящих условиях: под открытым небом и под огнем вражеских батарей. Медлить было нельзя. И Лекомцев хорошо это знал. Хирургический нож заменила прокипяченная ножовка, а наркозом стал стакан самогонна, который дали выпить Орловскому.

Кирилл Прокофьевич после «наркоза» сразу же уснул. Врач приступил к операции. Когда Лекомцев начал ножовкой пилить кость, послышались выстрелы, и кто-то крикнул: «Немцы идут! Заканчивайте!..» Но врач не слушал. Он не отошел от раненого, пока не закончил все, что требовалось. В землянку вбежали три партизана, они вынесли Орловского, положили в сани и погнали лошадь. Неожиданно повозка наклонилась и раненый выпал в снег. Его подняли и снова помчались. Ночь провели в лесу. Орловскому стало хуже. Утром его поместили в партизанский госпиталь. Медсестра Вера, жена Лекомцева, не отходила от него ни на шаг. В то время Виктор Лекомцев не знал, что сделал операцию, вошедшую в историю военно-полевой хирургии. После операции Вера Петровна несколько дней помогала беспомощному Орловскому, а че-

рез 13 дней, 8 марта, в этой же землянке, где проходила операция, родила сына Володю: имя мальчику дал Орловский.

Два месяца Лекомцев жил с Орловским в одной землянке, выхаживая больного. Накануне 1 мая 1943 года Кирилла Прокофьевича «выписали» из медсанбата, а Лекомцев встречал Первомай ночью на железнодорожном полотне. Сменив скальпель на автомат, он в составе группы подрывников пустил под откос фашистский эшелон.

23 августа 1943 года со своим легендарным другом Хусто Лопесом Кирилл Орловский прилетел в Москву. На аэродроме его встречали начальник Центрального штаба партизанского движения Пантелеймон Пономаренко и представители государственной безопасности. Его пригласили на работу в комиссию по изучению истории Великой Отечественной войны в Академию наук СССР. А 20 сентября 1943 года Орловскому было присвоено звание Героя Советского Союза. Все бы хорошо, но вследствие тяжелого ранения Кирилл Орловский плохо слышал, потерял правую руку и четыре пальца на левой. Вернувшись в Москву, он постучал в дверь своей квартиры ногами, руками не мог...

Персональная пенсия, квартира в самом центре Москвы... Все это было, но чего-то Орловскому не хватало. Его жалели. А жалость он мог воспринимать только по отношению к другим, но не к самому себе. В июле 1944 года он пишет письмо Сталину, точнее диктует его своей старшей дочери Лидии. В письме Орловский просит направить его председателем разрушенного войной колхоза в родные Мышковичи. Время разбрасывать камни закончилось, пришло время их собирать. Орловский обещал Сталину за несколько лет сделать родной колхоз процветающим. Слово свое он сдержал: хозяйство на Могилевщине стало первым колхозом-миллионером в СССР. Так началась новая жизнь и новая легенда, о которой в Беларуси знают все. И имя этой легенде – колхоз «Рассвет».

Семья осталась в Москве. Орловский сам не захотел лишать жену и дочерей столичного комфорта. Постепенно взаимоотношения с супругой сошли на нет, и они тихо расстались. Новой женой Орловского станет его помощница Татьяна Мальцева: с ней он проживет до конца своих дней.

Игорь КОЗЛОВ ─